

Людмила Сеницына

О дивный Арзамас!

Венец желаниям! И так, я вижу вас,
О други смелых муз, о дивный Арзамас!

А. С. Пушкин

Темная тропинка под густой сенью деревьев значительно сокращала путь, зато на каждом шагу поджидают то застывшие в корчах корни деревьев, то черепаховым панцирем выгнутые камни, а то просто темная выемка. Но у меня в руке фонарик, который отец ласково называет «жучок». Он и в самом деле жужжит... Сначала едва слышно, потому что ручка, на которую надо надавить, чтобы «выжать» пучок света, поддается туго, с заметным усилием. Но чем больше жмешь, тем легче становится. Такое ощущение, что фонарик, набрав скорость, уже работает сам по себе, поддерживая бегущий впереди круг света...

Оказывается, рука и по сей день (а ведь прошло почти пятьдесят лет!) сохранила то давнее ощущение упругого сопротивления!

Воспоминание всплыло само собой, когда я взяла в руки фонарик с витрины. Музей при Арзамасском приборостроительном заводе им. П. И. Пландина выстроен не так давно по предложению третьего Генерального директора (сейчас Председателя совета директоров предприятия) — Олега Вениаминовича Лавричева. Большинство экспонатов не только разрешают, но и настоятельно советуют взять в руки. Фонарик — первое изделие, выпущенное в шестидесятых годах теперь уже прошлого века.

— Арзамасский «жучок» пользовался большим спросом, — продолжает рассказ директор музея Лилия Сорокина.

Что неудивительно. Он не нуждался в батарейках (кто жил в те времена, помнит, каким они были дефицитом), ему не требовались аккумуляторы, подзарядка... Незаменимая вещь где-нибудь в горах, в дальних маршрутах. Какой же замечательной была эта идея — автономного, независимого источника света!

На соседней витрине еще одно знакомое изделие — трехрожковая люстра (опять — как символично — связано со светом). Сколько раз мы просиживали под ними, когда готовились сначала к школьным экзаменам, а потом уже и к студенческим сессиям. Да и сейчас люстра не сильно выбивается из ряда тех, что продаются в магазинах.

— Думаете, это просто коробка из-под макарон? — лукаво спрашивает Лилия Сорокина. — На самом деле, перед вами уникальный прибор — «дедушка» ксерокса. Выглядит странно. Но работал. Им пользовались, когда надо было скопировать чертежи. Ставили упаковку оконного стекла, сверху стелили кальку, потом синьку, вместо крышки — еще один лист стекла. Ну и подсвечивали, чтобы чертеж отпечатывался. Когда стекло лопалось от нагрева, заменяли новым.

— А это? Неужели легендарная «Легенда»?!

— Так и есть!

— Тоже ваше изделие? Во времена моей молодости это был самый компактный магнитофон.

Когда мне его выдали в редакции радио, я почувствовала себя... настоящим журналистом! Кожаный черный футляр на длинном ремешке, в который помещался магнитофон, напоминал элегантную сумочку, приятно оттягивающую плечо. «Легенда» долго служила нам верой и правдой, с ней легко было «трое суток шагать и трое суток не спать»... Любители послушать записи у костра тоже старались прихватить ее с собой в поход.

— А так выглядели первые счетчики воды и газа. Сегодня такие счетчики, правда уже нового поколения, стоят в каждом доме... или почти в каждом доме.

Что ж получается? Арзамасский приборостроительный постоянно с нами, с первых дней существования и до сих пор?! Семьдесят лет мы пересекались и продолжаем пересекаться с ним.

Осознание этого поразило еще при первом посещении музея — с группой писателей во время литературного фестиваля в Нижнем Новгороде. После встречи с читателями в городской библиотеке Арзамаса мы пришли познакомиться с музеем знаменитого завода. Через полгода я приехала в город, чтобы собрать материал для своих записок, и это ощущение — связи с историей города — только укрепилось.

«Те приборы, что гордостью стали для нас»

Всё на свете должно быть измерено —
И вода, и тепло, недр богатства и газ.
Этой цели и служат уверенно
Те приборы, что гордостью стали для нас.

Это слова из гимна, который встречает поток работников у широко развернутого ряда пропускных автоматов. «Та заводская проходная», что выводила в люди жителей города со дня основания приборостроительного, сейчас сильно преобразилась, как и сам завод. И сотрудники, что идут в цеха, совсем не напоминают массу людей прежних лет, одетых чаще всего в сдержанные (мягко выражаясь) серовато-темные тона. Сейчас женщины, как правило, выглядят вполне нарядно, в таком виде можно и в гости, и в парк, и в кино, куда хочешь, везде будет уместно. Да и мужчины — в светлых рубашках и брюках — хоть на парад выпускай. Правда, в восьмидесятых годах поток был многолюднее, сейчас количество заводчан уменьшилось почти наполовину.

Ровно в восемь часов утра поток сразу иссякает. Опоздание, как можно себе представить, — явление исключительное.

Открываю дверь расположенного рядом с проходной музея, невольно отмечая, какое это светлое, праздничное современное помещение, где каждая витрина — веха в истории завода и города. В составлении коллекции принимали участие все заводчане и жители, потому что так или иначе судьба каждого человека в Арзамасе пересекается с судьбой завода.

Мне предстоял разговор с главным метрологом. Иван Иванович Демчук — аккуратный, собранный — вошел в музей, где мы могли поговорить, точно в назначенное время. Что меня несколько не удивило. Я уже не раз прошла по заводу, по его цехам, поговорила со многими мастерами, инженерами. И общее представление о стилистике ведущего предприятия России у меня сформировалось.

Иван Иванович, устроившись за столом, произносит неожиданный, вроде бы не имеющий никакого отношения к заводу, вопрос:

— С чем первым делом сталкивается новорожденный? — И, не дожидаясь ответа, продолжает: — Его начинают измерять: вес, рост. И потом каждый месяц появляются данные, которые позволяют понять, правильно ли ребенок развивается, все ли с ним в порядке. Точно так же и первые шаги цивилизации связаны с измерениями. Сколько стадий на том или ином участке поля, как далеко летит копье, сколько меховых шкурок требуется сдать и так далее. Каждый новый цивилизационный шаг связан со все большей точностью измерений. Эталоны, утвержденные в 1889 году, хранятся в помещениях Международного бюро мер и весов в Париже в особых условиях. И вот очередной виток или рывок. В мае прошлого года утверждены новые значения:

килограмм, ампер, моль и кельвин теперь определяют формулы, которые рассчитываются... на принципах квантовой физики. Вы представляете, какой это уровень точности?!

Что ж, как заметил еще почти сто лет назад поэт Николай Гумилев, «...все оттенки смысла умное число передает». Однако какими бы бесконечно точными ни были килограммы и граммы, километры и миллиметры, все-таки «мера всех вещей — человек». И не только потому, что само тело, количество пальцев на руках и ногах, размах рук, длина шага — первые «измерительные эталоны».

Конечно, Протагор сформулировал утверждение о том, что «человек — мера всех вещей» для доказательства относительности нашего знания о мире. Но, как часто случается, выражение уже давно перетолковали на свой лад. И сейчас мы его используем, чтобы подчеркнуть: мера всех вещей — человек, поскольку он все пропускает через себя, через свою душу, личность.

Каждый город нашей просторной родины (как, впрочем, и других стран) «измеряется» людьми, которые там родились, выросли, оставили память о себе, или теми известными личностями, чьи пути пересекались с ним.

Такая теснейшая связь существует между «солнцем русской поэзии» и городом Арзамасом. Даже не потому, что Александр Сергеевич трижды останавливался здесь по дороге в родное Болдино (еще в 1619 году Фёдор — сын Петра Пушкина — получил это село «за московское стояние против поляков»), хотя одного такого визита для иного города было бы достаточно, чтобы гордиться, пусть и косвенной, причастностью к личности великого поэта.

Связь Арзамаса и Александра Сергеевича намного значимее. Правда, восклицание «О дивный Арзамас!» — вовсе не выражение восторга при виде достопримечательностей города. Это строки из посвящения, которое юный выпускник лицея (в тот день он получил прозвище «Сверчок») прочитал в день уже официального вступления в литературное общество «Арзамас», куда его задолго до того ввел дядя Василий Львович. И без малейшего сомнения можно утверждать, что пребывание Саши Пушкина в этом обществе решило судьбу российской словесности. А чтобы объяснить, какое это имеет отношение к городу, придется сделать небольшое отступление.

Гусиная столица

Звания «гусиной столицы» Арзамас удостоился с легкой руки Екатерины II, побывавшей здесь проездом летом 1766 года. Летописец Николай Михайлович Шегольков оставил в «Исторических сведениях о городе Арзамасе» (книга вышла в 1911 году) немало красочных описаний: приезд ее императорского величества, богатство кортежа, тревожения местного населения, встреча с дворянством и купцами. Упомянул Николай Михайлович и о гусиных боях, которые жители устроили на Соборной площади на потеху придворным.

Екатерина II не удостоила посещением сию грубую забаву. А вот ее приближенные вошли в азарт, наблюдая за сражением крупных задиристых гусаков, и даже начали заключать пари. Граф Орлов оказался прозорливее других. Владелец подарил отличившегося бойца фавориту Екатерины, чем тот остался «весьма доволен»... Что неудивительно. Жители вывели особенную породу, которая и получила название «арзамасский гусь». Туловище у него было «плотное, спина широкая, грудь выпуклая, крепкая шея». А глаза, глаза! Непременно «голубые с желто-оранжевыми веками». Клюв тоже особенный: у основания «толстый, желто-оранжевого цвета», а кончик — «белый с розовым кольцом».

Арзамасские гуси славились не только отменными бойцовскими качествами. Гурманы ценили их за особенно нежное и сочное мясо. Пользовавшихся большим спросом гусей разводили в таком количестве, что, когда выпускали их пастись на притешные луга (то есть луга при реке Теша), создавалось впечатление, будто среди лета выпал снег, покрывший берега белыми сугробами.

Некий проезжий оставил шуточные воспоминания о своем пребывании: «Город

этот с давних пор справедливо почитается столицей гусиного царства. Поистине при виде этих зеленых площадей, сверкающих живописными лужами, и улиц, занятых отрядами самой воинственной птицы, хватающей за ноги редких прохожих, невольно приходит в голову мысль, что город сей в некую неблагоприятную годину был осажден и завоеван гусями... Гусь — это арзамасская история, это прошлое и настоящее, это, наконец, и будущее города, ибо он, несомненно, покоится на безмятежном размножении и процветании этой значительной, воинственной и крупнокалиберной птицы». (Кое в чем прозорливое высказывание оказалось исключительно точным.)

Владимир Галактионович Короленко, не раз бывавший проездом в Арзамасе, тоже отметил «изобилие домашней птицы, при выпасе которой вся поверхность реки превращалась в шумную, многоголосую улицу. Нечто вроде Невского проспекта».

Целые стада (до двадцати тысяч) крепких, выносливых гусей пешим ходом перегоняли не только до Нижнего Новгорода, но до Москвы и Петербурга.

Чтобы уберечь лапы, стадо прогоняли (отсюда и название Прогонной улицы) сначала по смоле, а потом по рассыпанному песку (есть варианты и по соломе). «Подкова» — так называли арзамасцы изобретенную гусиную обувь — иной раз сохранялась в целостности до места назначения.

«Можно было подумать, — писал Короленко, — что снежная дорога ожила, волнуется, шевелится, течет... целые отряды погонщиков отправлялись с хворостинами за этой армией. А что пыли, что гоготу, сколько оживления и суматохи, когда какая-нибудь почтовая тройка с разбегу врывается в середину отряда». Заканчивает писатель рассказ на грустной ноте: «теперь ее (птицу. — *прим. ред.*) бьют и битую наваливают в вагоны».

Еще более грустно то, что, к сожалению, в середине двадцатого века селекционеры перестали заботиться о том, чтобы поддержать своеобразие породы, не занимались ее сохранением, и «арзамасцы» сошли на нет, растворились в массе обычных гусей.

Однако на гербе района изображение гуся в память о его славном прошлом все же сохранили. Так что совсем не случайно Олег Вениаминович Лавричев — третий генеральный директор приборостроительного завода — десять лет назад поддержал идею фестиваля «Арзамасский гусь». О заводе рассказ еще впереди, но поскольку речь зашла о славной птице с оранжевым клювом и голубыми глазами, трудно удержаться, чтобы не подтвердить, насколько верно угадал неизвестный путешественник связь прошлого, настоящего и будущего города с гусем.

Встать на крыло

Теперь, имея некоторое представление о том месте, которое так долго занимал арзамасский гусь в жизни России, попробуем прояснить, почему вдруг литературное объединение передовых людей, последователей реформатора русского языка Николая Михайловича Карамзина, выступавших против архаистов-шишковистов, получило название весьма удаленного от Петербурга города.

На самом деле вопрос относится к разряду не имеющих материалистического объяснения явлений. Дело в том, что гостиницы в Арзамасе обладают мистическим свойством оказывать воздействие на умы постояльцев и менять ход отечественной культурной жизни.

В 1869 году в городе остановился на ночлег Лев Николаевич Толстой. На следующий день он собирался осмотреть (для приобретения оного) еще одно поместье. Однако ночью его охватило неслыханное по силе переживание, какого он не испытывал прежде. Переживание, названное им «арзамасский ужас», — полностью перевернуло взгляды Льва Николаевича на собственное предназначение. В город приехал известный писатель, замечательный семьянин, деятельный помещик. А на следующий день покинул его философ, мыслитель, взгляды которого изменили жизнь не только самого писателя, но и огромного числа людей. И не только в России, но и в мире. Это, конечно, тема настолько значительная и обширная, что с моей стороны было бы слишком легкомысленно даже упоминать о таком событии. Но это имеет отношение к тому, что случилось задолго до появления в городе Льва Николаевича.

Литератор, граф Дмитрий Николаевич Блудов тоже имел неосторожность остановиться на ночь в дивном граде (местные поисковики даже определили местоположение того трактира). Должно быть, Дмитрию Николаевичу не сразу удалось уснуть: мешали воспоминания о нешуточных литературных распрях, кипевших в столице. Граф относился к числу передовых литераторов, горячих приверженцев Карамзина. Он все придумывал, как можно достойнее ответить на враждебные выпады последователей Шишкова. Эти мысли пробудили фантазию. На следующий день Дмитрий Николаевич записал явившийся ему «магнетический сон», которому он дал название «Видение в Арзамасе».

Вернувшись в Петербург, Дмитрий Николаевич зачитал друзьям свое произведение. Суть пародийного «Видения» — желание высмеять идейных противников, участников литературного общества «Беседа любителей русского слова» — ретроградов и архаистов.

У меня нет ни малейшего желания пересказывать «магнетический сон». Современники без труда угадывали в тексте намеки, они казались остроумными и веселыми. Сейчас пародийный текст Блудова представляется не менее смутным и темным, чем те произведения шишковистов, которые он высмеивал в своем сочинении. Для нас важно то, что «точкой сборки» стал город Арзамас. Так уж распорядились «случай и судьба».

После развеселившего всех чтения — под смех и шутки — решено было организовать свое собственное литературное общество (в пику «Беседам любителей русского слова») и присвоить ему название в честь города, где случилось «видение».

К тому же, как писал потом в «Записках» один из членов общества Филипп Филиппович Вигель: «...кому в России не известна слава гусей арзамасских. Эту славу захотел Жуковский присвоить обществу, именем их родины названному. Он требовал, чтобы за каждым ужином подаваем был жареный гусь, и его изображением хотел украсить герб общества».

Не исключено, что немалую роль в выборе названия литературного общества сыграла внутренняя рифма: Арзамас и Карамзин... Но это уже мои собственные домыслы.

Каждое собрание арзамасцев превращалось, говоря нынешним языком, в перформанс — своеобразное представление. Молодые люди с азартом высмеивали все, что выглядело с их точки зрения нелепым, устаревшим, отсталым. Каждая встреча становилась неповторимой. Потому что всякий раз участники живо откликались на то, что задевало и привлекало внимание. И все это в форме травестирования и пародирования.

Принимая нового члена, они устраивали посвящение. Более всего довелось претерпеть доверчивому и терпеливому Василию Львовичу Пушкину. Молодые участники выдавали церемонию за якобы традиционную, а на самом деле сочинили ее специально для этого случая. Зная, что Василий Львович недавно вступил в одну из лож, они с азартом пародировали масонский обряд. На испытуемого надели хитон, обшитый раковинами, на голову водрузили широкополую шляпу, выдали посох и с завязанными глазами повели в комнату, где остальные арзамасцы пускали ему под ноги хлопушки. Василию Львовичу пришлось изрядное время пролежать под шубами, слушая речь Жуковского (это именовалось «шубное прение», что символизировало нудность заседаний шишковистов). В следующей комнате новоиспеченный член общества должен был пронзить стрелой чучело, олицетворявшее Шишкова... Одним словом, участники действия старались придать каждому шутовскому действию символический смысл, высмеивающий очередной порок противников прогресса.

Александр Иванович Тургенев (ему же предстоит проводить в последний путь Пушкина) заканчивает описание вечера, где молодежь от души повеселилась, вещими словами: «Быть может, арзамасский гусь спасет русскую словесность, как спасли римские гуси вечный город».

Как в воду глядел! Арзамасские гуси, принесенные на ужинах в жертву членам литературного сообщества, вывели-таки российскую словесность на новый уровень. Именно там юный Саша Пушкин обрел непринужденность, легкость слога и свободу

выражения. Несерьезность, юмор, пародийность — в такой атмосфере он «становился на крыло». Вот где произошла «точка сборки» русского литературного языка, который в пушкинской обработке сохранил пластичность и живость, присущую народному языку, и вместе с тем стал по-западному строже, четче, определеннее. Исчезла невнятица, громоздкость и во всем блеске засверкали «осиянные слова». Словно рыдван, на котором, переваливаясь с кочки на кочку, выезжали Ларины всем семейством в Москву, сменила быстрая легкая коляска.

Ну и наконец... Вы можете представить Александра Сергеевича без гусяного пера?! Как изменился бы летучий почерк и как выглядели бы его наброски, если бы, например, ему пришлось пользоваться стилем или тростником? Нет! Только гусь — птица, которая принадлежит сразу трем стихиям — воде, земле и небу.

А попробуйте сосчитать, сколько гусяных перьев пошло на нужды литераторов и ученых, сколько записок, воспоминаний достались нам в наследство, благодаря этой благородной птице! Поистине приходится признать, что до сих пор (не считая города Арзамаса) мы так и не воздали должное птице, столь бескорыстно служившей отечеству.

С какого времени брать отсчет? С этим просто. Дата всероссийского гусяного праздника — день вступления Саши Пушкина в литературное общество «Арзамас».

«Уж не мираж ли это»?

Будь моя воля, я бы проложила какую-нибудь окружную дорогу так, чтобы в Арзамас можно было въехать только со стороны поймы реки Теша, где просторные луга упираются в высокий берег. После моста через реку видно, как, тесно прильнув друг к другу, уходят вверх к Соборной площади торговые ряды. Ну а там, дальше, располагаются каменные особняки местного дворянства. Да не абы какие, а тоже заказанные хорошим архитектором. Со стороны поймы, как на блюдечке видны и все золотые, голубые, зеленые купола, все колокольни...

И среди этого разнообразия белым лебедем выступает величественный красавец Воскресенский собор. Сколько раз путешественники, глядя на него, восклицали «Уж не мираж ли это»? Такой внушительных размеров собор вполне мог бы украсить и бывшую, и нынешнюю столицу России. В любом из этих городов он занял бы достойное место — мимо не пройдешь!

Для Арзамаса такая махина могла бы выглядеть неуместной, как «Титаник» в речной заводи реки Тешы, если бы... если бы не его гармоничное равновесие. Это поистине выдающееся произведение уроженца города — архитектора Михаила Петровича Коринфского. Знаковое сооружение и знаковое имя. Одна из тех фигур, которыми «измеряется» Арзамас.

А от Михаила Петровича тянется нить к его замечательному наставнику Александру Васильевичу Ступину — еще один человек из тех, кому присвоили звание «Почетного гражданина города». С рождением Александра Васильевича (через несколько лет исполнится 250 лет с этой даты) связана какая-то тайна, потому что родители — дворяне Борисовы — почему-то отдали мальчика на воспитание мещанке Ступиной. Под этой фамилией и в этом сословии она его и записала.

Завершив образование в Санкт-Петербурге, Александр Васильевич вернулся в родной город и основал рисовальную школу — первое и единственное на то время частное учреждение. И... начал выпускать одного талантливого ученика за другим. Среди них, может быть, и не мировые знаменитости, но вполне достойные мастера. Об уровне подготовки можно судить уже по тому, какое количество выпускников стали академиками живописи: К.Макаров, Н.Алексеев, В.Раев, А.Надеждин. Просто кузница кадров!

Академия приняла школу Ступина под свое покровительство. Лучшим студентам выдавали медали. Михаил Коринфский после окончания этой школы смог поехать учиться в Петербург, стал помощником Казакова при строительстве Казанского собора.

С уважением отнеслись к начинанию арзамасца видные художники. К.Брюллов,

А.Егоров, В.Шебуев, И.Акимов подарили для школьного музея свои полотна. Академия художеств прислала для занятий гравюры и эстампы, а также слепки с античных скульптур.

В школу Ступина могли поступить не только дети чиновников, купцов и мещан, но и крепостные. Наиболее одаренные ученики по его ходатайству нередко получали вольную. За все время существования Ступин выпустил 168 художников! И почти половина из них — крепостных. Многие из его выпускников стали не только учителями уездных и губернских училищ, но и основателями собственных художественных школ (в Саранске и Козлове).

Более всего нашему сердцу говорит имя его ученика — Василия Григорьевича Перова. И, конечно, все мы помним картину «Тройка», где подростки тянут бочку с водой по заснеженной дороге, — свидетельство того, как плохо обстояли дела с питьевой водой в городе. С самого первого дня его основания (со времен Ивана Грозного) это было больной темой.

Арзамасский Моисей

От перовской «Тройки» нить тянется к следующему «эталону» — к арзамасскому Моисею, как назвал Максим Горький самоотверженного священника Фёдора Ивановича Владимирского. «Жители бедные пьют некую ржавую жижицу из оврага “Сороки”, жижица сия образуется от стока вешних вод и разной дряни с усадебных мест. Она скверно пахнет...» — так сосланный в провинциальный городок Горький описывает свои ощущения. Состоятельные люди могли позволить себе «доставку воды на дом». Платили за такую работу немного. Неудивительно, что родители подражали для заработка детишек.

Почти двенадцать лет Фёдор Иванович (не будучи ни гидрографом, ни инженером) исследовал все окрестные овраги, чтобы определить место, где следует поставить водовод. В городской управе к деятельности Владимирского относились с пренебрежением, многие считали, что отец Фёдор занимается не своим делом: ему бы заботиться о душах своей паствы, а не тем, какую воду им приходится пить.

Помощи от городской управы и думы для изысканий он долгое время не получал. Однако своего добился. 22 января 1912 года настоятельные и многолетние труды воплотились в жизнь. В нужном месте была поставлена водонапорная башня (она сохранилась до сих пор). Каждый житель города получил возможность пить чистую, хорошую, а главное — здоровую воду.

Горький отправил Владимирскому письмо: «Дорогой отец Фёдор, прочитал я в “Нижегородском листке” об открытии водопровода, вспомнил героические труды Ваши, наше хождение по лесу, вокруг “Мокрого”, лицо Ваше и речи; вспомнил все и радостно заплакал: такой праздник душевный, все это так прекрасно!».

После того как устройство водопровода уже произошло, инженеры с удивлением дали очень высокую оценку проекту отца Фёдора. Его пригласили с докладом на XI Всероссийский водопроводный съезд, проходивший в Риге. Кто-то из присутствовавших заметил, что метод, предложенный Фёдором Ивановичем, уже двадцать лет используется в Германии. Благодаря этому замечанию выяснилось, что «арзамасский Моисей» применил свой метод на пять лет раньше немецких инженеров. Вот вам и «поп, толоконный лоб».

«Ангел Русской Церкви»

Невозможно перечислить, сколько живописных полотен появилось в веке девятнадцатом и начале двадцатого, где священнослужителей на радость и на потеху публике изображали в самом недостойном виде. Сколько было написано гневных, презрительных и обличительных слов о лживости, самодовольстве, о самоублажении служителей церкви...

Прошло совсем немного времени. Наступила пора гонений. И сколько стойкости, верности, бескорыстной преданности вере проявили эти «толоконные лбы». И те, кто исполняли свой долг в самых скромных отдаленных церковках, и те, кто нес

ответственность за многочисленную паству. Сколько героизма, готовности принять любые страдания, какую несокрушимую веру выказали эти ставшие святыми мученики.

Тяжкий крест выпало нести и уроженцу Арзамаса епископу Сергию Старгородскому. В декабре 1925 года после ареста митрополита Петра ему пришлось исполнять обязанность местоблюстителя — в то самое время, когда с точки зрения советского права церковь находилась на нелегальном положении... Сергей стал искать возможность ее легализовать.

Его позицию разделяли далеко не все архиепископы. Некоторые, обвинив Сергия в предательстве, призывали верующих уходить в катакомбы. А это грозило новым расколом, разбродом и шатанием.

В архиве отца Сергия есть письмо архиепископа Филиппа (сначала резко осуждавшего его), написанное при переезде из одной тюрьмы в другую. В письме Филипп назвал отца Сергия «святым мучеником».

Получив послание, отец Сергий поцеловал его и прижал к груди со словами: «...С таким письмом и на Страшный суд предстать не страшно!.. После моей смерти будут всякие толки, и трудно будет понять, что я вынужден был делать в это время, чтобы сохранить литургию».

А под конец жизни патриарх Сергий добился того, к чему стремился, — был созван Церковный Собор. «Ему удалось, — написано в сборнике его памяти (составлен О.Л.Рожновой), — в невероятно сложных условиях сохранить апостольское преемство, связанное со сферой мистического, оно передается при рукоположении епископов и указывает на непрерывность течения церковной жизни, начиная с апостольских времен и до сегодняшнего дня».

На стене духовного училища, где учился отец Сергий Старгородский, висит памятная доска. К 150-летию со дня рождения ему установили памятник и благоустроили одноименную площадь.

О ком еще не было сказано? Летописец Николай Михайлович вспоминал: «Арзамасский голова Афанасий Фёдорович Колесов неустанно трудился в пользу города, замостил те улицы, в которых не было проезда, устраивал съезды, разбил сквер около собора, построил каланчу и сделал еще много хорошего. Он имел очень много недоброжелателей, которые порицали все его начинания. Теперь, когда со дня его кончины минуло уже почти 25 лет (1887), можно сказать безстрастно, что это был лучший, самый мудрый и благопопечительный городской голова г. Арзамаса».

«Мерой» Арзамаса можно назвать и Василия Порфирьевича Вахтерова (1853—1924) — основоположника уникальной концепции, которая получила название «Эволюционная педагогика». Но нам больше скажет то, что он (уже на исходе XIX века) издал «Русский букварь», по которому училась вся страна. Букварь выдержал больше 120 изданий!

«Арзамасское лихолетье»

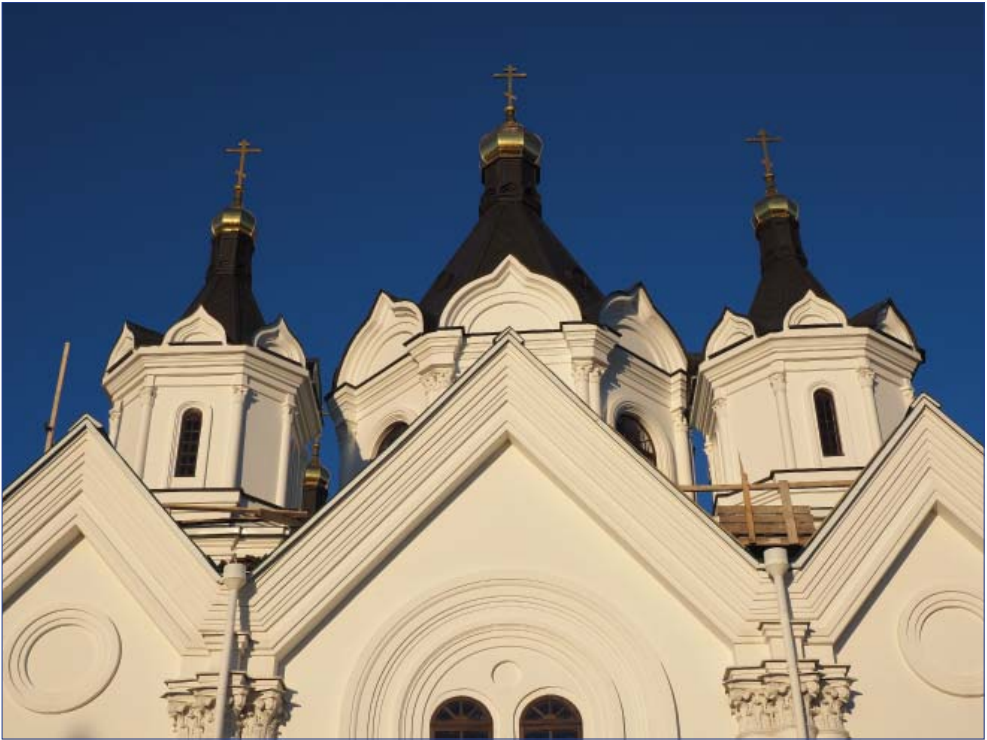
Щегольков выделял несколько периодов в истории города. Бурный расцвет — золотой век — начался с 1775 и длился по 1850 год. Время при Екатерине (1851—1885) он оценивает как серебряный век. А затем (с 1885 по 1900) наступил промежуток, который Николай Михайлович нарек «Арзамасским лихолетьем»: «Пишущему эти строки лично пришлось пережить все невзгоды этого времени и воспоминания о них еще свежи в памяти всех арзамасцев». Начался упадок во всех сферах, «не говоря уже об отживших свой век кожевенных заводах, сильно сократилось меховое производство. При оскудении заработков сократилась и местная торговля. В Гостином ряду более 20-ти лавок стояли пустые... В шутку говорили, что арзамасские ботиночники зарабатывают только себе на табак... А курение женщинами табаку в эти годы, особенно среди небогатого класса, сделалось поголовным. Материальному обнищанию соответствовало и умственное убожество: до XX столетия в Арзамасе не было средних учебных заведений»...

Вот так и тянулась жизнь в городе, наверное, еще скучнее, чем у той девочки в Тарусе. Но все проходит. Прошло и это.

О ДИВНЫЙ АРЗАМАС!

Памятник П.И. Пландину — легендарному директору приборостроительного завода, с именем которого связан «золотой век» предприятия и города Арзамаса.

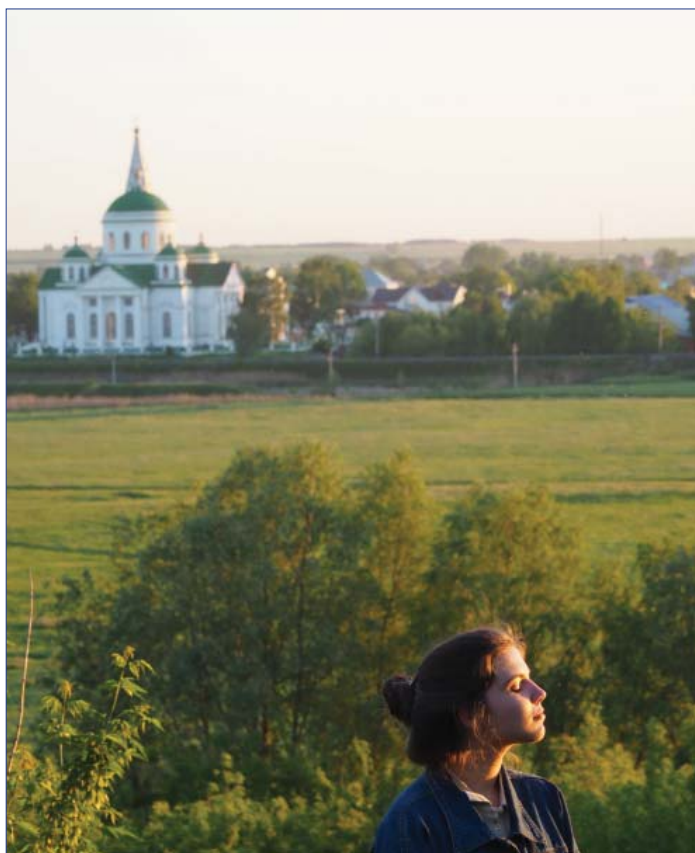
Ритмы и рифмы удивительных монастырей и храмов.

Величественный Воскресенский собор — главная святыня и достопримечательность Арзамаса — мог бы украсить любую из двух российских столиц. Мимо не пройдешь.

Вид на церковь Смоленской иконы Божией Матери.

Сколько раз паломники и путешественники, любясь Воскресенским собором, восклицали: «Уж не мираж ли это?»

Многие улочки и переулки сохранили уютную атмосферу уездного города

Музей истории Арзамасского приборостроительного завода открыт в 2012 году благодаря инициативе генерального директора предприятия О.В. Лавричева.

Трехрожковая люстра — одно из первых изделий завода.

К середине XX века ценная порода арзамасских гусей выродилась, «арзамасцы» перестали существовать как особый вид.

Фестиваль «Арзамасский гусь» расширяет круг в прямом и переносном смысле.

Детский ансамбль «гусят».

Как не сфотографироваться на память с таким красавцем?

На празднике даже обычная картошка
кажется необыкновенно вкусной.

Площадь перед Арзамасским приборостроительным заводом.

Новый золотой век

Новый отчет жизни города начался в мае 1956 года, когда на пустыре, «где паслись коровы и пастух играл на свирели», появились проектировщики современного по тем временам приборостроительного завода.

— Очень мне нравилось в детстве сидеть на крыльце дома у бабушки и смотреть на дорогу, — рассказывает ветеран завода Галина Борисовна Буянова. — Ждала, когда появится редкий прохожий. Иногда проезжала телега — такое развлечение! А уж если случалось, что мимо проезжала машина, оставляющая за собой клубы пыли, это становилось событием. Но когда начали возводить завод, сосчитать машины мне уже не удавалось. Я росла, и рос завод. Все мое детство окрашено совершенно неповторимыми воспоминаниями, связанными с заводом, — ведь туда поступил работать отец. Помню, в детстве услышала от отца — он с кем-то из заводчан разговаривал и все повторял: «трубка Бурбона, трубка Бурбона»... И я себе представляла какого-то человека, который курит трубку. А потом, когда пришла на завод, самой пришлось вести это изделие. Забавно...

Почетный ветеран Маргарита Николаевна Фадеева рассказывала, как к ним, выпускникам 57-й школы, пришел заместитель директора завода:

— Он стал звать к себе, обещал: «Будете ходить в белых халатах». И мы всем классом после сдачи экзаменов пришли подавать заявление. Но... завода еще не существовало как такового. Вовсю шла стройка. Так что первое время работали «подай-принеси». Белые халаты, косынки появились позже... Молодой я была маленько зявластая, посмелее других, и меня выбрали бригадиром. Вот так с самого начала и до самого конца проработала в 16-м гальваническом цехе.

Такая уж выпала счастливая планида городу Арзамасу и новому приборостроительному заводу, что его по-настоящему первым директором вскоре стал Павел Иванович Пландин.

По той удивительной вязи, узор которой создает прихотливая рука провидения, отец Павла Ивановича — известный художник, признанный в Чебоксарах мастер — учился живописи... как раз в Арзамасе (помните школу Ступина!).

Заводские корпуса только еще возводились, «жучки», люстры, диктофон «Легенда» — все это еще было впереди, но Павел Иванович пригласил в кабинет ведущих специалистов. Задание выглядело «не в тему», но, как считал новый директор, очень важным: надо было начать строительство... пионерского лагеря для детей заводчан. И уже в начале июня лагерь принял первую смену. А к Новому году директор отправил в Москву машину, чтобы сделать закупки для подарков.

— Мы открывали пакеты, — вспоминает Галина Ивановна, — и оттуда — о чудо! — доносился мандариновый аромат! Там лежали невиданные у нас в городе хрустящие душистые вафли, шоколадные конфеты «Кара-Кум», «Северное сияние», «Белочка»... Словно и в самом деле к нам пришел щедрый Дед Мороз. Заводские елки становились незабываемым праздником. У нас у первых появилась возможность смотреть мультфильмы. Наш лагерь «Шатки» расположился в самом красивом месте района с удивительным сосновым бором. Воспитателями там работали приборостроители. Лагерь считался лучшим в области. Все удивительное в нашей жизни было связано с заводом.

Развивалось производство, сложнее становились заказы, все более тонкие работы приходилось выполнять заводчанам. Росло их мастерство. И развивалось то, что мы сейчас называем инфраструктурой города: строились не просто дома, а микрорайоны жилых корпусов для сотрудников, появились детские сады, профилакторий «Морозовский», агроцех — совхоз «Морозовский»....

— Меня на завод взяли не сразу. Жди очереди. У тебя, говорят, брат уже работает!

Тогда на заводе действовало правило: брать не больше одного человека из семьи. Со слезами ушла, — вспоминает токарь-часовщик, кавалер ордена Ленина Г.В.Хритинина. — А когда взяли, очень волновалась... Представляете, какая была конкуренция?! К нам брали лучших из лучших. Я первое время даже на обед уйти боялась. Уважение у нас было огромное — к заводу, к тому, что мы должны делать...

Павел Иванович всегда думал о будущем, о тех специалистах, которые должны прийти на смену. И вскоре в городе появились здания приборостроительного техникума и политехнического института. И по сей день заводчане растят там смену.

Зимой сотрудники, следуя примеру Павла Ивановича, совершали забеги на лыжах. Увлечение стало массовым.

К слову, директор Олег Вениаминович точно так же увлек многих любимым видом спорта — фехтованием. Заводской спортивный клуб «Знамя» после победы команды саблистов вошел в число лучших спортивных клубов России. Мне представляется, что каждое из спортивных увлечений соответствует темпоритму времени. Лыжи, походы в лес, длительные забеги — вырабатывают выносливость, способность выдержать долгое напряжение... Фехтование требует скорости реакции, быстрого реагирования, внимания, способности мгновенно отвечать на вызовы времени...

— А летом у заводчан была возможность отдохнуть на нашей базе отдыха в Алушке. Мы, можно сказать, в Воронцовском дворце жили. Ну не в самом дворце, конечно, но близко. Там был номер, который назывался «пландинским», — перечисляла достижения тех лет Галина Ивановна.

— И чем он отличался от остальных?

— Да ничем, — пожимает она плечами. — Когда Павел Иванович уезжал, номер мог занять любой сотрудник. И почему-то для многих это было предметом гордости: «Я останавливался в пландинском номере», — говорили они как бы между прочим. Наверное, казалось, что таким образом приобщились к замечательному человеку. Павел Иванович был совершенно бескорыстным. Абсолютным бессребреником. Но даже у такого, как он, нашелся недоброжелатель. Кто-то написал анонимку, что директор купается в роскоши за счет завода. Приехала комиссия. Вошли в кабинет к Павлу Ивановичу, изложили претензии. Он вынул из кармана ключи от квартиры: «Ищите!» Члены комиссии приехали к нему, открыли дверь: на полу скромный линолеум, стены покрашены масляной краской, на кухне сбитый из ящиков шкафчик для посуды. В гостиной — какой-то потертый половичок. Ни люстр, ни ковров, никакой зарубежной мебели... Члены комиссии развели руками: «Все понятно!» — развернулись и ушли, краснея от стыда. У каждого из них квартира была обставлена намного лучше, чем у главного директора уже прославленного на весь Союз завода.

В музее есть «уголок» Павла Ивановича, где висят его живописные картины, написанные маслом. Он унаследовал талант от отца. И вполне мог бы занять достойное место в ряду художников. Но пространства картины было маловато для такой личности. Талант Павла Ивановича оказался мощнее. Это был настоящий руководитель масштабного предприятия.

— Первые гироскопы, которые стали у нас выпускать, были еще довольно простыми. В те годы, объясняя принцип работы гироскопа, приводили в пример юлу, а сейчас сравнивают со спиннером. А по сути, как у нас говорят, это «мозг летательного аппарата», — поясняла Буйнова, — как поется в гимне «...Без приборов, что нами рождаются, самолетам, ракетам не взмыть в небеса...». Изделие, где имеют значение микроны.

— Когда я ходила по цехам, про некоторых мастеров говорили: «Они пальцами чувствуют микроны». Похоже на легенду.

— Почему легенду, — немного даже обиделась Буйнова. — Так оно и есть на самом деле. Есть доводчики, которые меняют диаметр цапфы с дискретностью в

полмикрона. Обычно сразу спрашивают: «Арзамасские левши»?! Только знаете, мастерам такого уровня некогда подковывать блох. У них задачи посложнее. Здесь, у нас, начали и продолжают прокладывать дорогу к звездам: первый спутник, полет Гагарина, ракета, оставившая на Луне наш вымпел. Чем мы гордились, что заставляло весь мир смотреть в сторону Советского Союза, — все это в той или иной мере имеет отношение к нашему заводу. И до сих мы напрямую связаны с космосом.

Новое лихолетье

«Новый золотой век» превзошел все предыдущие. В середине 80-х на заводе работали почти двадцать тысяч человек. Практически каждый четвертый арзамасец так или иначе был связан с приборостроительным. Завод процветал. И ничто не предвещало катастрофы.

Новое лихолетье обрушилось неожиданно. В 1987 году неожиданно скоропостижно умер Пландин. Большое горе. Но мощное градообразующее предприятие справилось бы с такой потерей. Директором завода стал Юрий Павлович Старцев, опытный, знающий главный инженер, давний помощник Пландина, прекрасно осведомленный обо всех делах.

Однако перестроечные реформы выбили из колеи не только рядовых граждан, но и промышленные гиганты. Государственные заказы вдруг как отрезало. Ни времени, ни возможности постепенно и плавно освоить новую продукцию не оказалось. Финансы пели не только романсы, но и все оперные арии. Положение выглядело безвыходным. Чтобы привлечь покупателей, требовалось наладить продукцию на уже совершенно новом уровне, а для ее изготовления требовалось модернизировать производство, вложить немалые суммы на переоборудование. В общем, перепрыгнуть пропасть в два прыжка.

Самый простой выход, следуя примеру других, — как можно быстрее распродать все, что можно продать, пока на это есть спрос... Но костяк приборостроительного был такой мощный, основа такая надежная, что Юрий Павлович и его команда приняли вызов.

Мачты гнулись и скрипели... паруса срывало штормовым ветром. Старцев лично беседовал с каждым специалистом, если они приходили подавать заявление об уходе, убеждал не покидать завод, говорил, что вместе они — сила и смогут победить. Ему поверили. Ядро лучших профессионалов он сохранил.

Постепенно, шаг за шагом, удалось наладить выпуск медицинского оборудования: эхотомоскоп ЭТС-МО1 (УЗИ), биоэлектрический стимулятор МИОТН-604, аппарат озонотерапии АОТ-Н-01-АПЗ, оборудование оказалось таким надежным, что его начали покупать не только в России, но и за рубежом.

К середине 90-х наступил перелом. Заводская продукция обосновалась на рынке товаров. А к миллениуму Арзамасский приборостроительный вошел в число устойчиво работающих российских предприятий.

Проверка

Горожанам и заводчанам выпало пережить не только экономические трудности, но и проверку на человеческие качества. 4 июня 1988 года в 09:32 на железной дороге, в непосредственной близости от города, взорвались три вагона с промышленной взрывчаткой.

Черный гриб взметнулся к небу. Нетрудно представить, какие мысли одолевали людей — еще слишком жива была память о Чернобыле. Но... уже через несколько минут руководители из администрации города и завода прибыли к месту трагедии, не думая о том, чем им это может грозить — заражением, радиацией или чем-то еще. Они готовы были первыми принять удар. Это погасило панику.

Пожарные отрезали огонь, который устремился к цистернам с горючим. Благодаря их упорству удалось предотвратить еще большую трагедию.

Стояла тридцатиградусная жара. Экскаваторщик Михаил Иванович Куклин начал расчищать площадку через три часа после взрыва, а закончил работу в полночь.

В пять утра он снова сел на экскаватор — сменщика у него не оказалось. Металл не выдерживал нагрузки. Приходилось выключать мотор, чтобы дать машине охолонуть. Только в эти пятнадцать-двадцать минут Михаил Иванович мог отключиться на короткое время, а потом снова садился на свое место. Железо отказывало. А люди нет.

На помощь врачам, медсестрам пришли студенты медучилища, санитарные дружины. Жители немедленно устремились к поликлиникам и больницам, чтобы сдать кровь, помочь раненым. У кого были машины, помогали развозить пострадавших.

Один из вырванных взрывом участков рельса повредил электроподстанцию, в город перестала поступать вода... Не стало ее и в больницах. Жители несли то, что осталось: в чайниках, кастрюлях, банках, кувшинах... Отдавали последнее.

Когда по радио и по телевидению прозвучало сообщение о трагедии, в город посыпались письма и телеграммы. Почта была завалена ими. Школьники взялись помогать. Нашлись добровольцы, вставлявшие вылетевшие стекла. Пенсионеры сдавали деньги на помощь потерпевшим. Тогда не существовало еще практики психологической помощи, но за каждой пострадавшей семьей закрепили одного-двух человек из жителей города для моральной поддержки и помощи. Каждый старался быть полезным, чем мог. Город выдержал испытание на человечность.

Из Нижнего Новгорода к месту трагедии на помощь горожанам прибыли члены райкома комсомола. Среди добровольцев был Олег Вениаминович Лавричев.

Ровно через двадцать лет, в 2008 году — день в день — Совет директоров избрал Лавричева генеральным директором завода. Вот такие странные совпадения случаются в жизни.

Через два года, в 2010, после того как Олег Вениаминович встал у руля, выдалось, как многие из нас помнят, необычайно жаркое лето. Начались пожары.

Конструкторы завода за три дня (!!!) разработали огнетушители нового поколения. 13 тысяч ранцевых огнетушителей сошло с конвейера (работа не прекращалась все двадцать четыре часа в сутки). Их в прямом смысле выхватывали с ленты, чтобы отправить к местам бедствия.

Покой нам только снится

Казалось бы, третий директор — Олег Лавричев — пришел в счастливое время, когда тяжкие годы лихолетья уже миновали. Завод встал на ноги, заказы поступали, продукция находила сбыт. Но тут разразился мировой кризис: снова срывались поставки, снова наступил сбой в относительно налаженной и стабильной жизни. Снова требовалось перепрыгнуть через экономическую пропасть в два прыжка.

Думается, навыки фехтовальщика Олегу Вениаминовичу в тот самый сложный период очень даже помогли. Директор вместе с командой руководителей разработал пункты антикризисной программы: инновации, модернизация производства и выход на новые рынки. Ничего себе программа?! Такую и в «мирное время» не просто выполнить... Но уже был опыт «бури и натиска», работники завода верили, что снова справятся... И справились.

Я осматривала завод, когда все трудности остались позади. Точнее, сначала я познакомилась с музеем — это было обязательным требованием тогдашнего директора, прежде чем он давал согласие встретиться с представителями прессы или с гостями. И это понятно. Музей позволял наглядно проследить все этапы большого пути. После знакомства с ним никому не придет в голову задавать праздные и пустые вопросы.

Там, где в музее располагается уголок Павла Ивановича Пландина, стоит его письменный стол, висит более чем скромного вида плащ и под ним — огромные резиновые сапоги, чтобы можно было сунуть ноги прямо в ботинках и пройти к нужным цехам, — ведь стройка еще продолжалась.

Но с самого начала Павел Иванович рассчитывал поднять свое детище на такой уровень, когда сотрудники перед входом в помещение будут переодеваться. Что сейчас и происходит. Только «спецовка» выдается уже не для того, чтобы защитить одежду от грязи, а чтобы защитить изделие от частиц пыли, которые приносят сотрудники.

Не так давно проходил конкурс предприятий, связанных с авиапромышленностью. На завод приехали представители тридцати трех регионов. Гости прошли по цехам, дошли до литейного, который традиционно на всех предприятиях самый грязный. Приезжие прошли цех насквозь и скептически усмехнулись:

— Все ясно. Это вы организовали для показа. А теперь отведите в действительно работающий цех. Мы хотим посмотреть, как все обстоит на самом деле.

— Но это и есть обычный цех, он работает в штатном режиме, — ответила мастер.

— Не может быть, — оглядывая цветы, аквариумы, зимний сад, — воскликнули гости. — Так не бывает!

Мастер только плечами пожала:

— Но у нас нет для вас грязнее...

Для тех, кто хорошо знает производство, наверное, подобная чистота в литейном выглядела непривычно. Но поскольку я до того как оказаться там, уже прошла по заводу и везде царилла эта самая — сразу бросающаяся в глаза чистота, — то и литейный цех, до которого я добралась в конце, меня уже не поразил. Казалось, что так оно и должно быть: аквариумы, цветы, зимний садик.

— Когда-то, еще на первых этапах становления, никак не удавалось наладить выпуск одного прибора. Проверка показывала наличие брака, — вспоминал главный метролог Иван Иванович Демчук. — В чем дело? Прошли от начала до конца цепочки. Ничего! Нет такого места, где происходил бы сбой. Наконец спохватились. Проверили спирт, которым чистили детали. Оказалось, что дело как раз в нем. А ведь мы имели дело со сверхочищенным спиртом! И это было тогда. Можете представить, какие требования сейчас. Есть помещения, где приходилось возводить специальный фундамент. Эти цеха выглядят как операционные! А как иначе? Чистота — не прихоть, не каприз, не желание показать «вот какие мы!». Это требования и современного производства вообще, и требования к нашим изделиям в особенности: ведь мы обеспечиваем российскую оборону надежными гироскопическими приборами, без которых системы противовоздушной обороны оказались бы беспомощными.

Ноосфера

Во время перерыва немалая часть заводчан, пользуясь хорошей летней погодой, выходила прогуляться, поиграть в настольный теннис или в шахматы, кто-то садился на лавочку почитать заводскую газету. В месте, отведенном для курильщиков, я увидела человек пять-семь — не больше. Весьма скромная (если учесть количество работающих) группа.

— Обстановка не располагает к курению, — ответил на мой вопрос председатель совета трудовой молодежи Илья Константинович Теплов. — Люди предпочитают заниматься спортом. Это престижно, это, скажем так, модно. Да и все условия, чтобы найти увлечение по душе, есть.

После знакомства с экспозицией музея, после осмотра завода, после всех встреч и разговоров меня стали одолевать сомнения: а не упустила ли я чего? Собранный материал выглядел картинкой в духе Палеха! Все так ладно, все красиво, как в сказке... Учиться и повышать квалификацию — пожалуйста. Купить квартиру? — завод помогает. Каждый этап производства отработан, каждый участок выверен. На заводе не встает вопрос «кто виноват?». А при обсуждении второго типично русского вопроса принимается решение не «что делать», дабы исправить какие-то накладки, а что нужно сделать даже не завтра, а послезавтра или после-послезавтра. Ищутся варианты ответов на вызовы, которые только еще могут появиться.

— Потому что девиз предприятия «Работать на опережение!» — попытался рассеять сомнения Илья Константинович. — И знаете, — он не без юмора посмотрел на меня, — бесполезно искать промахи у завода, признанного образцовым. К нам столько комиссий приезжает, столько проверок устраивают специалисты самого высокого уровня...

Что я еще отметила задним числом — на заводе много привлекательных людей.

Это заметно и когда смотришь на поток идущих к проходной, и когда встречаешься со специалистами. Не стану утверждать, будто любой мастер или рабочий цеха — фотомодель. Но общее ощущение именно такое.

Скорее всего, такое впечатление создается благодаря выражению лиц. А выражение — это состояние души.

С кем бы я ни разговаривала, в каком бы цехе ни оказалась, везде говорящие отзывались о своем месте так, словно это самое главное звено на заводе.

«Любая работа начинается с документа», — считает Виктор Николаевич Усимов, начальник отдела технической документации.

«Инструментальное производство — первое, что образуется на новом предприятии», — приводит веский довод Владимир Владимирович Тимофеев.

«Кадры решают все. Каким бы высокотехнологичным ни был завод, главный его капитал — это люди!» — нисколько не сомневается начальник отдела кадров Ирина Александровна Кузина.

Надежда Сухина — секретарь Генерального директора — уверяла, что огромная ответственность лежит на секретарях-референтах: «Они должны знать производство, быть в курсе всего, обладать навыками психолога. По тому, как они ведут себя, у людей складывается самое первое впечатление о предприятии. Наше железное правило: если тебе поручено что-то сделать, нельзя это перепоручить кому-то другому или отложить “на потом”».

А кто рискнет переубедить директора комбината питания в том, что именно от них зависит успешность работы?! «Мы замешиваем четыре с половиной тонны муки и уже к пяти утра приступаем к работе, чтобы успеть к приходу заводчан испечь всеми любимые пирожки. Видели, как их раскупают? Некоторые пакетами домой несут. И что нам скажут, если пирожков не будет? Я даже представить такого не могу!» — восклицает Любовь Семёновна Васляева почти с ужасом. Наверное, ей такое и в страшном сне не приснится.

Каждый считает свое «звено» самым важным. Наверное, поэтому вся цепочка получается такой прочной.

— Элитные профессии формируют особый тип, — кивает Иван Иванович Демчук. — Выполняющие особенные заказы специалисты — не рядовые личности. Уровень требований — это и уровень осмысления. Появились детали с микронным допуском — это уже новая психология, другая степень ответственности. Средни искусству: как если бы произошел переход от народного танца к классическому балету. Сейчас никого не удивишь видеоконференцией, онлайн отчетностью, сквозным проектированием, — все стало обыденностью сегодняшнего дня.

Эти слова мало что скажут человеку, далекому от производства. И даже уточнение — «единое информационное пространство» — тоже не очень прояснит общую картину. Для наглядности попробую воспользоваться термином Вернадского. Конечно, слово «ноосфера» по отношению к заводу можно употребить с большой натяжкой. Но тем не менее у завода действительно образовалась особая, присущая ему, ноосфера, которая включает все, что было перечислено, и куда входит многое, что невозможно «потрогать»: настроение сотрудников, их надежды, чувства, вера в себя, ощущение стабильности, азарт творчества, устремленность в будущее....

— Ехали мы как-то с подругами в автобусе, о чем-то разговаривали, — вспомнила во время нашего разговора ветеран Силачева, — какой-то мужчина обратился к нам:

— Вы, наверно, с приборостроительного?

— Да, а как вы узнали?

— Но вы же у нас элита! — ответил он. — Вас сразу видно.

Эти воспоминания Марии Александровны относятся к концу семидесятых годов. Что же говорить о нынешнем времени? Если за токарным станком работают люди с высшим образованием!

Изменения шли постепенно, накапливались, и образовалось то, что ощущаешь, может быть, не в первую минуту, но вполне определенно. Однако ноосфера — это не купол, что висит только над заводом. Она по нейронным сетям родственных, дружеских, самых обычных человеческих связей распространяется по всему городу.

Достаточно напомнить о том, что в городе в золотые времена приборостроительного существовал свой оперный театр! Поэтому достаточно привычное словосочетание «градообразующее предприятие» здесь несет дополнительные смыслы: постепенно вместе с заводом Арзамас тоже стал элитным городом.

Все выше, и выше, и выше

В том, что эталон руководителя у заводчан есть, сомнения не возникало. Биография третьего директора, Олега Лавричева, в каком-то смысле повторяла биографию предшественников: он начинал на заводе слесарем (то есть знал производство изнутри), закончил Горьковский политехнический институт, потом он накопил немалый опыт комсомольской работы, затем опыт руководителя нескольких предприятий... И наконец почти двенадцать лет Олег Вениаминович стоял у руля признанного образцовым мегалайнера промышленности.

История полнится примерами, как вновь пришедшие пытаются свалить великанов, на плечах которых они поднялись. Но Олег Вениаминович не боялся отдать должное предшественникам. За то время, что он возглавлял завод, было выпущено несколько книг. Одна из первых посвящена Павлу Ивановичу Пландину. Это не формально изданная биография, а рассказ по тщательности, с любовью собранным материалам: где родился и жил Павел Иванович в Чебоксарах до того, как приехал в Арзамас, рассказ о его родителях, о том, чем увлекался Пландин.

Кроме того, вышел альбом, где собраны рассказы всех, кто был так или иначе причастен к значимым моментам истории завода, становления, развития, взлета и периода лихолетья. Книга, в которой «никто не забыт и ничто не забыто».

Благодаря Лавричеву перед зданием завода появился и памятник Пландину: высокий, по-спортивному худощавый, подтянутый, в неизменном плаще, в каком его видели горожане и заводчане много лет подряд, первый директор быстрым шагом идет в сторону заводской проходной. Вместе с теми, кто и сейчас утром идет в ту же сторону.

— Земля начала дрожать так, что казалось — еще секунда и помещение, где мы находимся, рухнет. Мощный рев, — это из сопла вырывается огонь... — вспоминал свои ощущения Олег Вениаминович, пережитые при запуске «Протона-М», когда он стал свидетелем старта космического экипажа. — Но вот машина медленно оторвалась от земли и устремилась вверх. Все быстрее и быстрее. Наконец огненный хвост исчез. Наступившую тишину воспринимаешь оглушительной... А еще? Чувствуешь какое-то опустошение. Словно частичка души улетела вместе или вслед за этим гигантом... «Неужели это мы? Неужели мы к этому причастны?! Мороз по коже...

Олег Вениаминович помолчал, переживая сказанное, а потом вдруг, размышляя вслух, добавил:

— Надо попросить, чтобы нам записали очередной старт, будем показывать новичкам. Чтобы они понимали, куда пришли, с чем имеют дело и какой уровень ответственности ложится на их плечи.

На этих строках можно было бы закончить записки о городе и заводе, но все-таки мне хочется еще добавить слова главного метролога, которыми Иван Иванович подвел итог нашему разговору:

— Прежде наши средства измерения, наши эталоны проходили проверку в сторонней организации. Мы на этом теряли много времени. Приходилось ждать очереди, потом результата. А сейчас завод получил у Росаккредитации право проверки и метрологической экспертизы. И не только на своем предприятии. Мы получили право проводить такую проверку сторонних организаций. Теперь не мы едем, а к нам приезжают.

Очень символично, не правда ли?